

ФРИДРИХУ АВГУСТУ ФОН ХАЙЕКУ, нобелевскому лауреату, одному из патриархов социально-экономической мысли Запада, исполнилось 90 лет. Круг его исследовательских интересов необычайно широк — экономическая теория, политология, право, методология науки, психология, история идей. Невзирая на свой возраст, он по-прежнему творчески активен, в центре его изысканий последних лет — проблема социокультурной эволюции человечества.

Из трудов Ф. Хайека вырисовываются контуры последовательной и проникнутой внутренним единством мировоззренческой системы. Выдвинутые им идеи, несмотря на их, казалось бы, отвлеченный теоретический характер, послужили важным источником неоконсерватизма и оказали серьезное влияние на практическую политику многих стран. В настоящее время вклад Ф. Хайека в развитие наук об обществе оценивается исключительно высоко. «По всей очевидности, не будет преувеличением сказать, — пишет японский философ Ч. Нишияма, — что профессор Хайек является одним из величайших мыслителей XX столетия благодаря поразительной широте, глубине и внутренней согласованности всего комплекса разработанных им теорий и главное — благодаря неподдельной новизне его идей»¹.

Однако такие оценки сопутствовали Хайеку далеко не всегда. Были времена, когда академический истеблишмент на Западе почти не замечал его и когда его имя звучало достаточно одиозно. В нашей же критической литературе Ф. Хайек совершенно однозначно рассматривался как консерватор и реакционер. Только сейчас мы начинаем осознавать, что знакомство с наиболее серьезными западными исследователями важно само по себе, даже если они выступают идейными оппонентами марксизма. Многие из идей Ф. Хайека могут восприниматься сегодня неожиданно современно. Причем с некоторыми наиболее актуальными для нашего общества поисками (переоценка роли рынка, создание правового государства) они вступают в прямую перекличку, а с другими (разработка принципов социальной справедливости) — резко диссоциируют.

Конечно, вряд ли разумно пытаться выискивать у крупнейших мыслителей прошлого и настоящего готовые советы и

¹ «The Essence of Hayek». Stanford, 1984, p. XI.

рецепты на злобу дня. В случае Хайека это было бы нелепо вдвойне: ведь сам он всю жизнь был непримиримым противником переустройства общества по заранее сконструированным схемам и идеальным моделям. У создателей глубоких научных теорий полезнее учиться не тому, что делать, а тому, как мыслить. И в этом отношении встреча с концепциями ученого такого ранга, как Ф. Хайек, мы думаем, окажется ненеправильной, а настоящая публикация не будет носить сугубо академического или хуже того — юбилейного характера.

Конкуренция как процедура открытия¹

Ф. ХАЙЕК

I

Трудно не согласиться с обвинением, что на протяжении примерно 40—50 лет рассуждения экономистов о конкуренции опирались на предпосылки, которые в случае соответствия их действительности сделали бы конкуренцию совершенно бессмысленной и бесполезной. Если бы кому-нибудь на самом деле было известно все, что экономическая теория называет **данными**, то конкуренция и впрямь представляла бы весьма расточительный метод приспособления к этим «данным». Неудивительно поэтому, что одни авторы пришли к заключению, что либо мы можем вовсе обходиться без рынка, либо должны использовать его только в качестве первого шага, призванного обеспечить выпуск товаров и услуг, чтобы затем этим выпуском манипулировать, корректировать и перераспределять его любым желательным для нас образом. Другие, составив, надо полагать, свое представление о конкуренции исключительно по современным учебникам, сделали не слишком противостественный вывод, что конкуренции не существует.

На этом фоне полезно напомнить, что **всякий раз**, когда обращение к конкуренции может быть рационально оправдано, основанием для этого оказывается то, что мы **не знаем** заранее фактов, определяющих действия конкурентов. В спорте или на экзаменах, — как, впрочем, и при распределении правительственных подрядов или присуждении поэтических премий, — конкуренция, бесспорно, была бы лишена всякого смысла, если бы с самого начала нам наверняка было известно, кто окажется лучшим. Как следует из названия настоящей лекции, я предлагаю рассматривать конкуренцию как процедуру для открытия * таких фактов, которые без обращения к ней оставались бы никому не известными или по меньшей мере не используемыми².

¹ Настоящая лекция была впервые прочитана (без второго раздела) на встрече Филадельфийского общества в Чикаго 29 марта 1968 г., а затем вторично (без последнего раздела) в Институте мирового хозяйства Кильского университета. Ранее был опубликован только вариант на немецком языке — сначала в серии «Kielser Vorträge», N. S., 56, Kiel, 1968, а затем в сборнике моих статей «Freiburger Studien», Tübingen, 1969.

* Термин *discovery procedure* мы переводим словосочетанием «процедура открытия» вместо более естественного «процедура исследования» или «процедура обнаружения», чтобы оттенить эвристическую природу конкуренции, подчеркнуть общность между научными открытиями и новой информацией, выявляемой рынком (Р. К.).

² Уже после того, как была написана настоящая работа, мое внимание привлекла статья Леопольда фон Визе «Конкуренция, рассмотренная преимущественно с системно-

На первый взгляд это кажется настолько очевидным и бесспорным, что вряд ли заслуживает нашего внимания. И все же из эксплицитной формулировки откровенного трюизма, приведенного выше, непосредственно вытекают некоторые интересные и не столь уж очевидные следствия. Первое: конкуренция представляет ценность потому и **только** потому, что ее результаты непредсказуемы и в общем отличны от тех, к которым каждый сознательно стремится или мог бы стремиться. Второе: хотя в целом последствия конкуренции благотворны, они неизбежно предполагают разочарование или расстройство чьих-то конкретных ожиданий и намерений.

С этим тесно связано одно любопытное методологическое следствие, во многом объясняющее то недоверие, которое вызывает к себе микроэкономическая теория. Ее перестали уже понимать даже некоторые профессиональные экономисты, хотя, по-моему, лишь она способна объяснить роль конкуренции. Поэтому стоит сразу же сказать несколько слов о методологической специфике, в силу которой выводы любой теории конкуренции оказываются сомнительными для многих из тех, кто привык пользоваться сверхупрощенными критериями при решении вопроса о том, что же считать научным. Приняв во внимание причину, побуждающую нас использовать конкуренцию, мы приходим к неизбежному выводу, что **в случаях, когда конкуренция имеет смысл**, достоверность теории заведомо невозможно проверить эмпирически. Мы можем проверять ее на абстрактных моделях и предположительно — в искусственно воссоздаваемых реальных ситуациях, где факты, на открытие которых рассчитана конкуренция, уже известны наблюдателю. Но в таких ситуациях теория не имеет никакой практической ценности, так что на проведение подобных экспериментов вряд ли стоило бы тратить. Поскольку нам неизвестно, что же именно мы надеемся обнаружить при помощи конкуренции, постольку мы оказываемся бессильны определить, какова же ее эффективность в выявлении фактов, потенциально поддающихся открытию. В лучшем случае мы можем надеяться установить, что общества, полагающиеся на конкуренцию, в конечном счете успешнее других достигают своих целей. Вот вывод, который, как мне кажется, замечательно подтвержден всей историей цивилизации.

Своеобразие конкуренции заключается в том, что в конкретных ситуациях, когда она значима, ее действие не может быть проверено, а может быть лишь засвидетельствовано тем фактом, что рынок будет выигрывать при сравнении с любыми альтернативными социальными механизмами. В этом общность конкуренции с научным методом: преимущества принятых научных процедур также никогда не могут быть доказаны научно, а могут быть лишь продемонстрированы повседневным опытом, показывающим, что в общем и целом эти процедуры лучше, чем альтернативные подходы, приспособлены к подтверждению наших ожиданий³.

В отличие от науки, которая стремится к открытию «всеобщих», как их иногда называют, фактов, представляющих собой регулярности событий, экономическая конкуренция выступает как метод открытия конкретных фактов, имеющих значение для достижения специфических, временных целей. Наука интересуется единичными конкретными фактами лишь в той мере, в какой они содействуют подкреплению или опровержению теорий. Поскольку теории имеют дело с общими, устойчивыми свойствами мира, время, в течение которого научные открытия должны подтвердить свою ценность, не ограничено. Напротив, польза от знания конкретных фактов, открываемых на рынке конкуренцией, в значительной мере преходяща. Ди-

социологической точки зрения» («Verhandlungen des 6. Deutschen Soziologentages», 1929), где на стр. 27 он рассуждает об «экспериментальной природе конкуренции».

³ Ср. интересные исследования покойного Майкла Полани в «The Logic of Liberty». London, 1951, которые показывают, как изучение методологии науки побудило его заняться изучением конкуренции в экономической сфере; см. также книгу К. Р. Поппера «The Logic of Scientific Discovery». London, 1959.

скредитировать теорию научного метода на том основании, что она не ведет к поддающимся проверке предсказаниям о будущих открытиях в науке, можно с такой же легкостью, с какой теория рынка дискредитируется лишь потому, что она не в состоянии предсказывать, каких конкретных результатов будет достигать рынок. На это теория рынка заведомо неспособна ни в какой ситуации, где ее применение вообще имело бы смысл. Как мы убедимся, ее предсказательная способность не настолько велика, чтобы предугадывать конкретные события, но ограничивается по необходимости предвидением общей схемы, или абстрактных характеристик, спонтанно формирующегося порядка ⁴.

II

Отдав дань своей излюбленной теме и возвращаясь к главному предмету настоящей лекции, хочу подчеркнуть, что иногда экономическая теория с самого начала, по-видимому, закрывает себе путь к правильному пониманию характера процесса конкуренции, ибо исходит из предпосылки, что предложение редких благ «дано». Но какие блага являются редкими или какие предметы являются благами? И какова их редкость или ценность? Именно это и призвана выявлять конкуренция. Предварительные результаты рыночного процесса на каждой отдельной стадии указывают индивидуумам направление поиска. Чтобы использовать знания, широко рассеянные в обществе с развитым разделением труда, недостаточно полагаться на людей, которым досконально известно, на какие конкретные цели могут быть употреблены хорошо знакомые предметы из их привычного окружения. Какая именно информация относительно предлагаемых рынком разнообразных товаров и услуг может представлять интерес, подсказывают индивидуумам цены. Это означает, что рынок находит применение личным знаниям и умениям, образующим всегда уникальные в том или ином отношении индивидуальные сочетания и основным не только и даже не столько на усвоении таких фактов, которые можно было бы перечислить и сообщить по требованию некоей власти. Знание, о котором говорю я, связано скорее со способностью разбираться в конкретных деталях и обстоятельствах; оно обретает действенность только тогда, когда рынок информирует обладателей подобного знания, в каких товарах и услугах ощущается потребность и насколько она настоятельна ⁵.

Сказанного, должно быть, достаточно, чтобы дать понять, какого рода знания я имею в виду, называя конкуренцию процедурой открытия. Многое следовало бы добавить, чтобы наполнить эту абстрактную формулировку конкретным содержанием и показать всю ее практическую важность. Но я вынужден ограничиться лишь беглым указанием на абсурдность обычного приема начинать анализ с ситуации, где все факты полагаются известными. Именно это **состояние** дел курьезным образом именуется в экономической теории «совершенной конкуренцией». Между тем оно вообще не оставляет никакой возможности для **деятельности** под тем же названием «конкуренция», которая, как предполагается, уже выполнила свою задачу. Мне, однако, уже пора перейти к рассмотрению еще более запутанного вопроса, а именно: какой смысл следует вкладывать в утверждение, что рынок спонтанно приспособливает различные виды деятельности к им же открываемым фактам или, иными словами, ради какой цели информация об этих фактах им используется?

⁴ О природе «схемных предсказаний» (pattern prediction) см. мою работу «Теория сложных феноменов» в «Studies in Philosophy, Politics and Economics». London and Chicago, 1967.

⁵ Ср. высказывание Сэмюэля Джонсона (J. Boswell. Life of Samuel Johnson, L. F. Powell's Revision of G. B. Hill's Edition. Oxford, 1934, vol. II, p. 365 (18 April 1775): «Знание бывает двух родов. Мы знаем предметы сами по себе и мы знаем, где можно найти о них информацию».

Путаница, царящая в данном вопросе, во многом объясняется ошибочной трактовкой создаваемого рыночного порядка в качестве «хозяйства» (есопоту) в прямом смысле этого слова и оценкой результатов рыночного процесса в соответствии с критериями, приложимыми только к такому автономно организованному сообществу, которое служит заданной иерархии целей. Подобная иерархия целей, однако, не имеет никакого отношения к сложной системе, состоящей из бесчисленного множества индивидуальных экономических структур, которую мы также, к сожалению, называем «хозяйством», хотя это нечто глубоко отличное и должно оцениваться по иным стандартам. В прямом смысле слова «хозяйство» — это организация или социальное устройство, где некто сознательно размещает ресурсы в соответствии с единой шкалой целей. В создаваемом рыночном спонтанном порядке ничего этого нет; он функционирует принципиально иначе, чем собственно «хозяйство». Он отличается, в частности, тем, что **не гарантирует** обязательного удовлетворения сначала более важных, по общему мнению, потребностей, а потом менее важных. В этом кроется главная причина, почему люди возражают против рынка. В самом деле, весь социализм есть не что иное, как требование превратить рыночный порядок (или, как я предпочитаю выражаться, во избежание смешения с собственно «хозяйством» — «каталлактику» ** в «хозяйство» в узком смысле, в котором общая шкала приоритетов определяла бы, какие из различных потребностей подлежат удовлетворению, а какие — нет⁶.

С этим социалистическим замыслом сопряжены трудности двойного рода. Как и в любой сознательной организации, проект собственно «хозяйства» может отражать только знания самого организатора, а все участники такого, понимаемого как сознательная организация, «хозяйства» должны руководствоваться в своих действиях единой иерархией целей, которой оно подчинено. Соответственно у спонтанного рыночного порядка, или «каталлактики», есть два преимущества. В нем используются знания всех его членов. Цели, которым он служит, являются частными целями индивидуумов во всем их разнообразии и противоречивости.

Проистекающие отсюда известные интеллектуальные затруднения осложняют жизнь не только социалистам, но и всем экономистам, пытающимся оценить достоинства рыночного порядка. Если он не подчинен строго определенной иерархии целей и если про него, как и про любой спонтанно формирующийся порядок, неправоммерно утверждать, что он **преследует** конкретные цели, то невозможно также выразить ценность его результатов в виде суммы произведенных им конкретных индивидуальных продуктов. Что же подразумеваем мы тогда, заявляя, что рыночный порядок обеспечивает в некотором смысле максимум или оптимум?

Дело в том, что хотя и некорректно было бы называть целенаправленным спонтанно установившийся и не ориентированный на решение каких-либо конкретных задач порядок, существование его тем не менее может быть в высшей степени благотворным для достижения множества разнообразных индивидуальных целей, в полном объеме не известных никому отдельному лицу и никакой относительно небольшой группе лиц. На самом деле рациональное поведение возможно только в более или менее упорядоченном мире. Поэтому бесспорно имеет смысл пытаться создавать условия, при которых шансы любого случайно выбранного индивидуума на как можно более эффективную реализацию его целей были бы весьма высоки, даже если нельзя было бы заранее предугадать, достижению каких конкретных целей такие условия будут благоприятствовать, а каких — нет.

** Этот термин Хайек производит от древнегреческого глагола, который означал не только «обмениваться», но также — «принимать в сообщество» и «превращать из врага в друга» (Р. К.).

⁶ Более подробный анализ см. в моей работе: «Law, Legislation and Liberty». Vol. II, «The Mirage of Social Justice». London and Chicago, 1976, pp. 107—120.

Результаты процедуры открытия, как мы убедились, непредсказуемы по своей природе; и самое большее, чего мы можем ожидать от эффективной процедуры открытия, — это улучшения чьих-то шансов на успех, хотя и неизвестно чьих. При таком способе упорядочения социальной жизни у нас остается единственная цель, к которой мы можем совместно стремиться. Это — выработка общей схемы или определение абстрактных характеристик того порядка, который будет формироваться сам собой.

III

Создаваемый конкуренцией порядок экономисты обычно называют равновесием. Термин этот не вполне удачен, поскольку подобное равновесие предполагает, что все факты уже открыты и конкуренция, следовательно, прекращена. Понятию равновесия я предпочитаю понятие «порядка», — по крайней мере при обсуждении проблем экономической политики. Его преимущество в том, что можно осмысленно говорить о различных степенях приближения к некоему порядку и что порядок может поддерживаться через процесс изменения. Экономического равновесия никогда реально не существует; вместе с тем имеются известные основания утверждать, что возможна достаточно высокая степень приближения к такого рода порядку, который описывается нашей теорией как идеальный тип.

Он выражается прежде всего в том, что ожидания относительно совершения сделок с другими членами общества, составляющие основу планов всех индивидуальных экономических агентов, в большинстве своем могут реализовываться. Это взаимоприспособление индивидуальных планов осуществляется по принципу, который мы вслед за естественными науками, также обратившимися к изучению спонтанных порядков (или «самоорганизующихся систем»), стали называть «отрицательной обратной связью». Действительно, как признают сведущие биологи, «Адам Смит намного раньше Клода Бернара, Джеймса Клерка Максвелла, Уолтера Б. Кэннона или разработавшего кибернетику Норберта Винера совершенно явно использовал эту идею в «Богатстве народов». «Невидимая рука», которая со скрупулезной точностью регулирует цены, является, несомненно, выражением этого принципа. Смит говорит, в сущности, что на свободном рынке цены регулируются отрицательной обратной связью»⁷.

Решающее значение для понимания функционирования рыночного порядка, как мы убедимся далее, имеет то обстоятельство, что высокая степень совпадения ожиданий с реальностью прямо зависит от систематического расхождения с нею у определенной их части. Но взаимоприспособление планов не единственное достижение рынка. Он гарантирует также, что любой продукт будет изготавливаться людьми, умеющими делать это с меньшими или по крайней мере не с большими издержками, чем тот, кто данного продукта не производит (и кто при этом не способен направить свои усилия на производство со сравнительно еще более низкими издержками какого-то другого продукта). Поэтому цена любого товара будет ниже той, по которой он мог бы продаваться, если бы его производили не те, кто фактически занят этим сейчас. Это, разумеется, не исключает возможности извлечения значительной прибыли, если у кого-то издержки оказываются намного ниже, чем у следующего по эффективности потенциального производителя. Отсюда, однако, следует, что фактически произведенный набор товаров будет не меньшим, чем тот, что мы смогли бы получить, используя вместо рынка любой другой доступный нам метод. Набор произведенных товаров будет, безусловно, не столь значительным, каким он мог

⁷ G. Hardin. *Nature and Man's Fate* (1951), Mentor ed., 1961, p. 54.

бы быть, если бы вся информация, которой владеет или способен овладеть каждый, поступала в распоряжение какого-то единого агентства и закладывалась в компьютер (издержки по выявлению этой информации были бы, впрочем, весьма велики). Тем не менее мы допускаем несправедливость по отношению к рынку, когда смотрим на него сверху вниз, сравнивая его достижения, как это было сделано только что, с идеалом, пути обретения которого нам совершенно неведомы. Если бы мы смотрели на рынок, как и следует, снизу вверх, то есть сопоставляя его результаты с теми, каких можно было бы достичь, прибегая к любому иному методу, то тогда особое значение приобрело бы сравнение с тем, что мы имели бы при недопущении конкуренции, когда производить или продавать те или иные товары дозволялось бы только лицам, получившим это право от некоей власти. Нам остается только обсудить, насколько затруднительно в конкурентной системе открывать способы предложения более качественных или более дешевых товаров, чем те, что уже поступают потребителям. Там, где такие неиспользованные возможности, судя по всему, существуют, мы обнаруживаем обычно, что они остаются нереализованными из-за того, что воспользоваться ими мешает либо авторитет власти (включая сюда защиту патентных привилегий), либо злоупотребление силой со стороны частных лиц, которое должно быть запрещено по закону.

Не следует забывать, что в этом отношении рынок лишь способствует приближению к некоей точке на n -мерной поверхности; в чистой экономической теории эта поверхность обозначает границу всех возможностей, до которой предположительно могло бы быть доведено производство любого пропорционального набора товаров и услуг. Вопросы о том, каким конкретно окажется набор благ и как они будут распределяться среди индивидуумов, рынок в значительной степени отдает во власть непредвиденных обстоятельств и в этом смысле — на волю случая. Это как если бы мы согласились участвовать в игре, где выигрыш зависел бы отчасти от мастерства, а отчасти — от везения, что понимал уже Адам Смит⁸. Такого рода конкурентная игра в известной мере позволяет случаю определять долю благ, достоящуюся каждому индивидууму, но этой ценой мы получаем гарантию того, что какой бы ни оказалась относительная доля любого человека, реальный ее эквивалент будет велик настолько, насколько это вообще возможно при имеющемся у нас уровне знаний и умений. Если прибегнуть к новейшей терминологии, это игра не с нулевой суммой, а игра, по ходу которой (при условии, что она ведется по правилам) подлежащий дележу куш увеличивается, хотя индивидуальные доли выигрыша в ней в значительной степени определяет удача. Наделенный знанием всех фактов разум мог бы избрать на поверхности любую желательную для него точку и распределить произведенный продукт так, как считал бы правильным. Но единственной достижимой для нас точкой, лежащей на границе производственных возможностей или достаточно близко к ней, оказывается та, в которую мы придем, если устанавливать ее предоставим рынку. Так называемый «максимум», достигаемый этим способом, естественно, непредставим в виде суммы конкретных предметов; его можно оценить лишь в терминах тех шансов, которые рынок дает анонимным индивидуумам на получение как можно большего реального эквивалента, соответствующего относительной доле (частично определяемой случаем) каждого из них. Было бы глубоким заблуждением оценивать результаты каталлактики так, будто перед нами «хозяйство» в прямом смысле слова, по той простой причине, что в отличие от него результаты рыночного процесса не поддаются оценке с точки зрения единой шкалы ценностей.

⁸ Adam Smith. *The Theory of Moral Sentiments*. London, 1759, часть VI, глава 2, предпоследний абзац и часть VII, раздел II, глава I.

Неверное истолкование рыночного порядка как «хозяйства», в котором потребности могут и должны удовлетворяться в установленной очередности приоритетов, заметнее всего проявляется в попытках с помощью политики корректировать цены и доходы в интересах так называемой «социальной справедливости». Какое бы значение ни придавали этому понятию философы и социологи, в практике экономической политики оно почти всегда имеет один и только один смысл — защиту определенных групп от неизбежности абсолютного или относительного ухудшения их материального положения, сохранявшегося ими в течение какого-то времени. Но «социальная справедливость» — это не тот принцип, исходя из которого вообще возможно действовать, не разрушая основ рыночного порядка. Не только непрерывное возрастание, но при определенных условиях даже простое поддержание существующего уровня доходов зависит от адаптации к непредвиденным изменениям. Отсюда с необходимостью следует, что относительный, а возможно, даже абсолютный доход некоторых людей должен сокращаться, хотя в этом никоим образом нельзя винить их самих.

Не следует упускать из вида, что приспособления экономической системы всегда обуславливаются неожиданными изменениями; смысл использования ценового механизма в том и состоит, чтобы сообщать индивидуумам о возрастании или падении спроса на то, что они делают или могут делать, в силу какой-то не зависящей от них причины. Адаптация всей структуры производственной деятельности к изменившимся обстоятельствам основывается на том, что получаемое за различные виды деятельности вознаграждение меняется безотносительно к заслугам или недостаткам тех, кого эти изменения затрагивают.

Термин «стимулы» нередко употребляется в этой связи со смысловыми оттенками, отчасти вводящими в заблуждение, как будто основная проблема в том, чтобы побуждать людей трудиться с достаточным напряжением сил. Главное, однако, не в этом: цены диктуют не столько, как действовать, сколько, что производить. В постоянно меняющемся мире даже простое поддержание данного уровня благосостояния требует непрерывной смены деятельности некоторых людей; но происходить это будет только тогда, когда вознаграждение за одни виды деятельности начнет возрастать, а за другие — уменьшаться. Подобное переключение усилий, необходимое в условиях относительной стабильности просто для поддержания прежнего потока доходов, не создает никакого «избытка», который можно было бы использовать в качестве компенсации для тех, против кого обращаются цены. Мы вправе надеяться избежать абсолютного ухудшения положения некоторых групп только в быстро растущей экономической системе.

В связи с этим современные экономисты, как представляется, часто не учитывают, что даже относительная стабильность многих — трактуемых макроэкономикой как «данные» — агрегатных показателей сама выступает результатом микроэкономического процесса, существенную часть которого составляют изменения относительных цен. Когда кому-то не удается оправдать ожиданий своих партнеров, то именно благодаря рыночному механизму и только благодаря ему находится некто, у кого возникает побуждение вмешаться и заполнить образовавшуюся брешь. В самом деле, все эти кривые совокупного спроса и предложения, которыми мы так любим оперировать, нельзя считать реальными, объективно данными фактами, поскольку они представляют собой результат непрерывно идущего процесса конкуренции. Мы не можем также надеяться выяснить на основании статистической информации, какую корректировку цен и доходов следует предпринять, чтобы приспособиться к неминуемым изменениям.

Главное, однако, в том, что в демократическом обществе совершенно немислимо с помощью приказов добиваться изменений, которые не воспринимаются как справедливые и необходимость которых никогда не уда-

ется убедительно продемонстрировать. Сознательное регулирование в такой политической системе всегда вынуждено стремиться поддерживать цены, которые выглядят справедливыми. На практике это означает сохранение традиционной структуры цен и доходов. Экономическая система, где каждый получает то, что он, по мнению других, заслуживает, неизбежно была бы чрезвычайно неэффективной — не говоря уже о том, что она была бы также системой невыносимого гнета. Любая «политика доходов», следовательно, скорее препятствует, чем содействует тем сдвигам в структуре цен и доходов, которые требуются для адаптации системы к новым обстоятельствам.

Один из парадоксов современного мира состоит в том, что коммунистические страны в отличие от «капиталистических», пожалуй, свободнее от демонов «социальной справедливости» и более склонны возлагать бремя адаптации на плечи тех, против кого оборачивается развитие. Во всяком случае, для некоторых западных стран положение представляется безнадежным по той именно причине, что господствующая в их политике идеология препятствует изменениям, необходимым для достаточно быстрого улучшения положения рабочего класса и создания тем самым предпосылок к исчезновению самой этой идеологии.

V

Если даже в высокоразвитых экономических системах конкуренция важна как исследовательский процесс, в ходе которого первооткрыватели ведут поиск неиспользованных возможностей, доступных в случае успеха и всем остальным людям, то в еще большей степени это справедливо по отношению к неразвитым обществам. Я умышленно сначала уделил внимание проблемам сохранения эффективного порядка в условиях, при которых информация о подавляющей части ресурсов и технологий уже широко известна и постоянные приспособления к неизбежно происходящим мелким изменениям оказываются необходимыми только для поддержания данного уровня доходов. Я не буду останавливаться здесь на беспорной роли, которую играет конкуренция в прогрессе технического знания. Но мне хотелось бы указать, насколько важнее должна быть эта ее роль в странах, где главная задача состоит в выявлении не раскрытых пока возможностей общества, потому что в прошлом конкуренция не была там активной. Верить, что в странах, уже достигших высокого уровня развития, мы можем предвидеть и контролировать изменения социальной структуры, которые будет вызывать дальнейший технический прогресс, быть может, и не совсем абсурдно, хотя в значительной мере и ошибочно. Но думать, будто мы можем наперед определять социальную структуру в стране, где основной проблемой все еще остается выяснение того, какими материальными и человеческими ресурсами она располагает, или считать, будто для такой страны мы способны предсказывать конкретные последствия любых мер, которые могли бы быть нами предприняты, — это уже чистая фантастика.

Помимо того, что возможности таких стран в гораздо большей степени остаются до сих пор скрытыми, существует еще одна причина, почему наивысшая свобода конкуренции для них оказывается даже важнее, чем для более развитых стран. Необходимые изменения в привычках и обычаях будут происходить лишь в том случае, если меньшинство, у которого есть желание и способности экспериментировать с новыми методами, сумеет указать путь большинству и вместе с тем побудит его следовать за собой. Напротив, требуемый процесс открытия будет замедлен или приостановлен, если большинство сумеет заставить меньшинство придерживаться традиций и обычаев. Одна из главных причин неприязни к конкуренции, несомненно, заключается в том, что конкуренция не только показывает, как можно эффективнее производить вещи, но также ставит тех, чьи доходы

зависят от рынка, перед выбором: либо подражать добившимся большего успеха, либо частично или полностью лишаться своего дохода. Тем самым конкуренция создает что-то вроде безличного принуждения, заставляющего многих индивидуумов перестраивать свой образ жизни так, как были бы бессильны изменить его какие угодно инструкции или команды. Централизованное управление, подчиненное так называемой «социальной справедливости», — роскошь, которую богатые нации, быть может, и в состоянии позволить себе на долгое время без слишком заметного ущерба для своих доходов. Но для бедных стран, экономический рост которых зависит от ускоренной адаптации к быстро меняющимся условиям, подобный способ, конечно, неприемлем.

В связи с этим заслуживает упоминания следующий факт: перспективы роста, очевидно, тем благоприятнее, чем больше у страны не использованных пока еще возможностей. Как бы странно ни выглядело это на первый взгляд, высокий темп роста чаще всего служит доказательством упущенных в прошлом возможностей. Иными словами, высокий темп роста свидетельствует порой не столько о хорошей политике в настоящем, сколько о дурной политике в прошлом. Следовательно, в странах, уже достигших высокого уровня развития, нет оснований ожидать столь же значительных темпов роста, каких на известное время достигают страны, где прежде эффективное использование ресурсов долго сдерживалось законодательными и институциональными барьерами.

Мои наблюдения в различных частях света подсказывают, что доля частных лиц, готовых опробовать новые возможности (если это, как им представляется, сулит улучшение их положения и если им не мешает давление со стороны своих соплеменников), везде примерно одинакова. Вызывающее столько сетований отсутствие духа предпринимательства во многих молодых странах является не прирожденным свойством их жителей, а следствием ограничений, налагаемых существующими обычаями и институтами. Вот почему для этих стран было бы фатальным, если бы в них индивидуальные усилия направлялись коллективной волей вместо того, чтобы власть правительства использовалась исключительно для защиты индивидуумов от давления общества. Такой защиты частной инициативы и предприимчивости можно добиться только с помощью института частной собственности и всего комплекса либертарных правовых институтов.

Перевод Р. Капелюшникова